

ТРИЛЛЕР
ПО-СКАНДИНАВСКИ

**ИНГАР
ЙОНСРУД**

БРАТСТВО

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.113.5-312.4

ББК 84(4Нор)-44

И75

Ingar Johnsrud
WIENERBRORSKAPET

Серия «Триллер по-скандинавски»

Печатается с разрешения литературного агентства
Salomonsson Agency

Перевод с норвежского *Марии Назаровой*

Йонсруд, Ингар.

И75 Братство : [роман] / Ингар Йонсруд ; [перевод с норвежского М. Назаровой]. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 512 с. — (Триллер по-скандинавски).

ISBN 978-5-17-093191-0

Пропала Аннетте Ветре, дочь влиятельного норвежского политика. Главный инспектор полиции Фредрик Бейер без особого рвения берется за дело — ведь разгадка кажется очевидной. Девушка состояла в религиозной общине, и наверняка ее исчезновение как-то связано с деятельностью секты.

Однако совершенное в пригороде Осло жестокое убийство адептов учения, к которому принадлежала Аннетте, наталкивает Бейера на мысль, что дело намного сложнее, чем кажется на первый взгляд. Когда на месте преступления полиция находит лабораторию, где, судя по всему, проводились ужасающие эксперименты над людьми, Фредрик Бейер и Кафа Икбаль уже не сомневаются: настоящие мотивы всех преступлений кроются в прошлом.

Но чтобы найти виновного, придется не только прочитать самые темные страницы истории, но и вступить в противоборство с теми, чья власть безгранична...

УДК 821.113.5-312.4

ББК 84(4Нор)-44

© Ingar Johnsrud 2015

© Назарова М., перевод, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

ISBN 978-5-17-093191-0

В любой сложной популяции, такой, как, например, человеческое общество, отбор — селекция — играет определяющую роль. Чем жестче селекция, тем лучше сохраняется вид. Этот отбор среди лучших, самых жизнеспособных представителей вида изначально обеспечивался самой природой и людьми, пока они действовали в согласии с ней. Первые человеческие «вмешательства» совершались отнюдь не против природы, а наоборот, чтобы помочь ее работе. Другое дело, что использовавшиеся для этого средства были грубыми, отчасти, по нашим понятиям, жестокими. Вопрос в том, не допускает ли наше время, способствующее всему слабому и немощному и уходящее тем самым в другую крайность, новую жестокость, которая может сравниться в варварстве со старой.

*Из введения в «Расовую гигиену»
Йона Альфреда Мьёэна
Издательство Якоба Дюбвада,
1938 г.*

* * *

Йон Альфред Мьёэн умер в 1939 г.

Часть 1

Глава 1

В полумраке стюардесса убрала поднос с нетронутой едой: копченым лососем, босфорским морским окунем и венским яблочным штруделем. Ее движения были ловкими, настолько отработанными, что она совершала их не глядя. Обслуживая пассажира, она украдкой взглянула на него и заметила то самое выражение лица, которое приводит в замешательство, если увидишь его вблизи. Оно было как на нечетком изображении монитора, но что именно в нем было не так, она уловить не могла. Когда стюардесса потянулась за бокалом с шампанским, мужчина положил свою ладонь на ее. Девушка резко отдернула руку.

Он аккуратно убрал откидной столик. Пассажиры на соседних местах спали. Тусклые отблески навигационного фонаря, мигавшего на крыле самолета, отражались в иллюминаторе. Далеко внизу, над землей светились гирлянды золотых огней. Европа. С тех пор прошло много времени. Закрыв глаза, он просунул указательные пальцы между кожей и маской и подумал о том, что осталось в прошлом.

Частицы пыли плавно оседали в воздухе. Палящее солнце было затянуто бледно-жемчужной пеленой. На высоте тысяча метров над уровнем моря простиралась степь. Воздух был разреженным. Его сопротивление при выстреле будет низким. Нельзя было представить условий лучше.

Они лежали неподвижно на каменной лестнице перед бойницей на самом верху старого минарета. Снаружи было почти сорок градусов. В башне было прохладнее, но все равно воздух плавился от жары.

Он дал глазам отдохнуть. Поморгав, перевел взгляд в тень, прекрасно зная, что Кит наблюдает в подозрительную трубу. Встреча длилась уже почти четыре часа. Если губернатор хочет успеть в свой укрепленный дом до наступления темноты, то скоро будет прощаться.

Кит тронул соседа за плечо. Тот знал, что это значит, и передернул затвор. Он прицелился. Стена, которую он увидел, была некрашеной, красно-коричневой. Бритоголовый мужчина, одетый в темный жилет и светлый *перахан тунбан* – традиционную старинную одежду, которую предпочитают многие афганцы, – открыл балконную дверь. Это был Хассам, осведомитель, заманивший сюда губернатора.

Хассам отошел в сторону, давая возможность пожилому человеку выбрать место на балконе с коваными перилами. Губернатор Усмаль Абдуллах Камаль. Перекрестие прицела скользнуло по его коричневому тюбану. Вниз по пышной седой бороде. Двое мужчин стояли в напряженном молчании, устремив взгляд в даль маковых полей.

Из-за отдачи снайпер потерял цель из виду, но, опустив винтовку, увидел, что пуля «Лапуа Магнум» 338-го калибра попала почти на пять сантиметров правее середины груди. Будь выстрел менее точным, жертва все равно была бы убита. Тем не менее в висках запульсировало от досады. Вместо того чтобы проделать большую красную дыру размером с апельсин в белой одежде губернатора, он разнес его грудь почти надвое. Балкон, Хассама и стену залил фонтан светло-красной крови. Тело губернатора дернулось, натолкнувшись на дверь, затем задержалось на мгновение, неестественно выгнувшись. Хрупкая деревянная конструкция, не выдержав, обвалилась. Тело рухнуло на пол, подняв вокруг себя облако пыли.

Снайпер передернул затвор. Было слышно, как на лестницу упала пустая гильза.

У ног губернатора, обутых в сандалии, сидел, сжавшись в клубок, Хассам.

То ли он молился, то ли им овладела паника, то ли он разыгрывал спектакль перед приближающимися телохранителями. Это не имело никакого значения. Снайпер отрегулировал прицел с поправкой на ветер и нажал на спусковой крючок. Мгновение — и тело Хассама завалилось на бок. На глиняной стене остался след в виде оранжево-красного нимба из месива мозгов, крови, волос и осколков черепа.

Убийца моргнул и подумал, что глаз — как фотокамера. Моргнув ещё раз, он не сразу открыл глаза, чтобы ощутить ту темноту, которая наступает, когда зеркало фотоаппарата опускается и время как будто замирает. Это был его момент, и он был запечатлен навсегда.

— Прощай, Хассам, — произнес Кит.

Снайпер завернул винтовку в полотенце. Пока Кит паковал подозрную трубу, убийца встал и поднялся на три ступени, отделявшие его от человека, лежавшего связанным в лестничном пролете. Несколько мух кружились у его лба с запекшейся кровью. Из-за повязки на глазах было невозможно определить, был ли пожилой имам в сознании. Он дышал учащенно и хрипло. Снайпер достал из кобуры пистолет. Кит покачал головой:

— В этом нет необходимости.

У минарета они пожали друг другу руки.

— Организация желает вам удачи в Норвегии, — сказал Кит.

В ответ снайпер только прошипел.

Глава 2

— Фредрик Бейер. Через «й» после «е».

— Адрес?

— Соргенфригатен, дом шесть. Это район Майорстюен.

— В Хейнекегорен?

— Что?

— Я предположил, что вы живете в Хейнекегорен. А родились вы в...?

— Здесь, в Осло. Это имеет какое-то значение?

— Прощу прощения. Я имел в виду год рождения. Сколько вам лет?

— Сорок восемь. Мне сорок восемь.

Расположившийся на кожаном диване главный инспектор полиции потянулся своей огромной рукой

за ложкой в банке с растворимым кофе, взял ее, повертел в руках и заметил на металлической поверхности выпуклой части свое слабое отражение: пряди волос на висках с едва проступающей сединой. Зато его тонкие, хорошо подбритые усы выглядели так, будто кто-то нарисовал их ему, пока он находился в состоянии опьянения.

Перед полицейским сидел штатный психолог. Над головой психолога висел постер с Эрнестом Хемингуэем с обнаженным торсом.

— Разве Хемингуэй не застрелился?

— Как и его отец.

— Не забавно ли, что психолог украшает кабинет портретом парня, снесшего себе башку?

— Думаю, не забавнее, чем то, что вы живете на Соргенфригатен*, — ответил психолог, уверенным кивком головы указав на толстую папку пациента на столе между ними.

Следователь недружелюбно фыркнул. В лучшем случае адрес был выбран произвольно.

— Бывшая жена выбирала квартиру.

— Значит, вы были женаты. Дети есть?

— Трое... двое. Я имею в виду двое.

— Так трое или двое?

— Один из них умер.

— Прошу прощения. Что с ним произошло? — Мозгокопатель с двойным подбородком потуже затянул резинкой волосы в хвост.

Сюда-то и приходили «облегчиться» полицейские со всего города. Стены комнаты были такого гряз-

* Буквально «улица без печали» (норв.). — Прим. пер.

но-белого цвета, будто впитали в себя извергавшиеся здесь ежедневно миазмы злобы, связанной с чувством неполноценности и страха. Отвратительно. Кабинет психолога был не больше клетки, и Фредрику Бейеру не хватало воздуха. Фредрик поднялся с засиженного посетителями кожаного дивана, и тот закричал. Выпрямившись во весь рост, Фредрик почти доставал головой до потолка. Полицейский встал у окна. Желтоватые шторы хлопали по мокрому алюминиевому подоконнику.

Психолог остался сидеть спиной к полицейскому, и когда Фредрик обернулся, то увидел только хвост его секущихся волос и лоснящуюся от пота макушку. Мозг в этой голове был промаринован самыми темными тайнами полицейских. Этот парень — уличный сортир всей полиции Осло. Черта с два, да ни за что он не будет обсуждать с ним своего сына.

— Вы живете вместе с детьми?

Фредрик сощурился.

— Нет. Они живут в Тромсё. Со своей матерью Элис и ее новым мужем, — Фредрик снова скользнул на диван. В левой коленке больно хрустнуло. — Я здесь не по своей воле. К этому мне нечего добавить. Меня поставили перед выбором: или ходить к вам, или взять долгий отпуск.

Психолог провел пальцем по складке двойного подбородка.

— Потому что вы не считаете себя больным?

Тон психолога не оставлял никаких сомнений в его презрении к самодиагнозам.

— Психом? — спросил Фредрик, уставившись на собеседника. — Нет.

Глава 3

Над железнодорожным вокзалом нависло серое июньское небо. Из окна автомобиля было видно идущих по своим делам жителей Осло с закрытыми зонтиками и всепогодными куртками. Фредрик опустил противосолнечный козырек, увидел свое отражение в зеркале и провел ладонями по короткостриженным волосам. Он достал из кармана большие новые почти квадратные очки в металлической оправе. Фредрику казалось, что в них он похож на агента штази, и ему это нравилось. Губы главного инспектора полиции вытянулись в улыбке. Он погладил усы и бросил беглый взгляд на сидевшего рядом человека.

— Кари Лисе Ветре, — барабаня большими пальцами по рулю, повторил старший инспектор полиции Андреас Фигуэрас — на этот раз чуть громче. — Разве к ней не были приставлены на какое-то время наши телохранители?

Фредрик откинул голову на деревянный массажный коврик на подголовнике.

— Из этого так ничего и не вышло.

На повороте на Конгенс-гате напарник Фредрика в знак понимания прищелкнул языком. Они направлялись в сторону безжизненного района офисов и административных зданий, куда забредают только заплутавшие туристы, залетают свободные городские пташки и где спуют офисные сотрудники среднего звена. В тоскливую часть города, которая называется Квадратурен.

— Напомни, что это было за дело, — попросил Андреас. — Что-то связанное с геями?

— Ну вроде того. Она была свидетельницей того, как у кинотеатра «Колизей» избили гомосексуальную пару. За несколько дней до суда ей позвонил мужчина и сказал, что выпустит из нее кишки, если она даст показания. Угрозы поступали в адрес нескольких человек, но, так как у нее особый статус, забили тревогу.

— Да, понятно, что к ней особое отношение. Чертовы политики, — прорычал Андреас, снимая с головы с седыми завитками очки и надевая их на нос. Андреас был на несколько лет старше Фредрика, но тем не менее его начальником был именно Фредрик.

— Есть какая-нибудь связь с этим делом? — продолжил он, когда Фредрик проигнорировал его приглашение излить желчь на народноизбранных.

— Нет, никаких связующих нитей.

— Ведь теперь пропала ее дочь.

— Дочь и внук. Судя по всему, они состоят в какой-то общине.

— Очередное дерьмовое дело, — простонал Андреас, выпятив свой мощный подбородок вперед. В редкие минуты, когда он не был раздражен, Андреас с глубокими, как два колодца, глазами, смуглой кожей и угловатой физиономией казался самым красивым полицейским в городе.

Фредрик закрыл глаза, размышляя о женщине, с которой им предстояло встретиться. Ветре отличало чувство стиля, что так нехарактерно для норвежек. Она потерпела, как писали СМИ, сокрушительное поражение в борьбе за пост лидера Христианской народной партии и стала заместителем председателя. На экране Ветре смотрелась как политик, который ведет себя искренне и не производит при этом впечатление лицемера.

Полицейские припарковались на гравиевой стоянке около Военного общества Осло — эlegantного здания правильной формы с эркером на фасаде, сообщающегося одной стеной с крепостью Акерсхюс. Одернув вельветовую куртку и заправив в джинсы белую футболку, Фредрик взглянул на своего напарника. У Андреаса было три рубашки цвета слоновой кости, три пары серых брюк и два костюмных пиджака припаленного кроя. Фредрик редко видел его в другой одежде. Андреас одевался со вкусом.

— Это церемония для ветеранов войны, — пояснил Фредрик, когда они проходили мимо двух пушек с заткнутыми дулами у входа. Внутри пахло лимоном и креветками. В большом парадном зале сидели сотни как будто высеченных из камня мужчин и несколько женщин. Охотники за нацистами, исламистами и воины-миротворцы. Министр обороны и несколько заслуженных ветеранов были удостоены почетного места под портретами королевской семьи. Кари Лисе Ветре находилась в другой части зала, где под потолком золотыми буквами был нанесен королевский призывный лозунг: «Всё для Норвегии». Она пламенно что-то обсуждала со своими соседями по столу. Первый был статным, рыжеволосым мужчиной за пятьдесят, с усами, напоминавшими жесткую щетку. Вторым — дряхлым стариком. Много лет назад он, вероятно, был сильно изуродован. На его лице остались шрамы, похожие на ожоги. Кожа на больших участках головы была растянута и сморщена, как картон, который сначала намочили, а потом высушили. Белые, как известь, руки покоились на округлой рукоятке черной трости.